

М. Н. Загоскин

**Юрий Милославский, или,
Русские в 1612 году**

Часть 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
3-14

3-14 **Загоскин М.Н.**
Юрий Милославский, или, Русские в 1612 году: Часть 2 / М. Н. Загоскин – М.:
Книга по Требованию, 2017. – 166 с.

ISBN 978-5-518-09169-6

ISBN 978-5-518-09169-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2017

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2017

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

— Не знаю, опвѣчалъ опривисто слуга.

— А не можешь ли, молодецъ, спросить объ эшомъ у его служипеля?

— Нѣпъ.

— Нѣпъ? Ну, если ты не хочешь, такъ мнѣ можно съ нимъ поговорить?

— Нѣпъ.

— А если я пойду самъ искапъ его?

— Я не пуцу тебя.

— А если я тебя не послушаюсь?

— Я возьму тебя за воропъ.

— За воропъ! А если я хвачу тебя за это кулакомъ?

— Я кликну людей и мы переломаемъ тебѣ ребра.

— Коропко и ясно! такъ мнѣ никакъ нельзя его видѣпъ?

— Нѣпъ.

— А скажи, пожалуй-спа: всѣ ли Боярскіе холопи такіе медвѣди, какъ ты?

— Попадешься къ нимъ въ лапы, такъ самъ узнаешь.

— Спасибо, за ласку!

— Не на чемъ.

Въ продолженіи сего разговора, они подошли къ Прикащиковой избѣ; слуга, сдавъ Киршу съ рукъ на руки хозяину, отправился назадъ. Веселое общесиво пирующихъ встрѣшило его съ громкими восклицаніями. Всѣ уже знали, какимъ счастливымъ успѣхомъ увѣнчалась ворожба Запорожца; старая сѣнная дѣвушка, бывшая свидѣтельница сего чуднаго излѣченія, бѣгала изъ двора во дворъ, какъ полоумная, и радостная вѣспѣ, со всѣми подробностями и прикрасами, подобно быстрому пошоку распроспранилась по всему селу.

— Милости просимъ, бапюшка, милости просимъ! сказалъ хозяинъ, сажая его въ передній уголь. Расскажи намъ, какъ ты вылѣчилъ Боярышню? Вѣдь она точно была испорчена?

— Да, хозяинъ, испорчена.

— Правда ли, спросилъ Дьякъ, что лишь только ты вошелъ въ перемь, по Анастасья Тимофеевна залаяла собакою?

— И, нѣтъ, Мемнонъ Филиповичъ, возразилъ одинъ изъ госпей; Тапьяна сказывала, что Боярышня зашла пѣшухомъ.

— Ну, вопъ еще! вскричалъ хозяинъ. Неправда: она куковала кукушкою, а пѣшухомъ не пѣла!

— Помилуй, Ома Кондрапъичъ! перервала одна полспая сваха. Да, развѣ Тапьяна не при мнѣ рассказывала, что Боярышня изволила выкликать всеми звѣриными голосами!

— Тапьяна врешъ! сказалъ важно Кирша. Когда я примусь нащопы-вашъ, такъ у меня хопъ какая кликуша язычекъ прикуситъ. Да и пришло ли Боярской дочери лаять собакою и пѣшь пѣшухомъ! она не ваша сеспра холопка: будешъ съ нея и того, что почახнешъ, да попокусешъ.

— Истинно такъ, милоспивецъ! примолвилъ Дьякъ. Не пригоже шакой именишой Боярышнѣ бышь кликушею.... иная рѣчь въ нашемъ бышу: наше дѣло шаковское, а ихъ милоспъ....

— Чшо толковашь о Боярахъ! перерваль Прикащикъ. Послушай-ка, добрый человекъ! Тимошей Федоровичъ приказалъ тебѣ выдать при золотыхъ корабленника; да жалуешь тебѣ на выборъ любимъ конемъ изъ своей Боярской конюшни.

— Знаю, хозяинъ.

— Ну, шо-шо же: смопри, не позарься на воронаго аргамака, съ бѣлой на лбу опмѣшиной!

— А для чего же нѣшь?

— Онъ, правда, конь богашой: Персидской породы, чешырехъ лѣпъ и не даромъ прозванъ Вихремъ—русака на скаку запопчешъ....

— Чшожъ шупъ дурнаго?

— А шо, чшо на немъ не усидѣль бы и могучій богашырь, Ерусланъ Лазаревичъ. Такое зелье, чшо Боже упа-

си! Съспь-шо на него всякой сядеть, полько до сихъ поръ никшо еще не слѣзалъ съ него порядкомъ; сначала и шуда и сюда, да вдругъ, какъ взовьепся на дыбы! учнепть передомъ и задомъ! бапюшки свѣшы!... хошь кому небо съ овчинку покажется!

Въ продолженіи сего разказа, глаза Запорожца сверкали опть радости. Давай его сюда! закричалъ онъ. Его-шо мнѣ и надобно! Чорпъ ли въ энихъ заводскихъ клячахъ! подавай намъ изъ косяка... звѣря!

— Вопъ еще чшо? сказалъ Прикащикъ, глядя съ удивленіемъ на воспоргъ Запорожца. Видно, брапъ, у тебя шея-шо крѣпка! Ну, чшо за-попѣха....

— Чшо за-попѣха? Эхъ, хозяинъ! не арканилъ ты на всемъ скаку лихаго коня, не смучивалъ его въ чиспомъ полѣ, не приводилъ овечкою въ свой курень, шакъ тебѣ ли знашь попѣхи удалыхъ Козаковъ!... Чшо за конь, на кошоромъ и баба усидишь!

— Да, да! шепнулъ Дьякъ Прикащику. Ему легко: не самъ сидишь, черши держашъ.

Межъ шѣмъ молодые давно уже скрылись, госпи спали шакже уходишь одинъ послѣ другаго, и вскорѣ въ избѣ оспались шолько хозяинъ, сваха, дружка и Кирша. Прикащикъ, по погдашнему Русскому обычаю (1), кошорому не слѣдовалъ его Бояринъ, спаравшійся во всемъ подражашъ Полякамъ, предложилъ Киршѣ опдохнуть и—черезъ нѣсколько минушь въ избѣ все спихло, какъ въ глубокую полночь.

Кирша проснулся прежде всѣхъ. Проведя нѣсколько часовъ сряду въ душной избѣ, ему захотѣлось наконецъ поосвѣжиться. Когда онъ вышелъ на крыльцо, шо замѣшилъ большую перемену въ воздухѣ: небо было покрыто дождевыми облаками, легкой полуденной вѣперокъ дышалъ теплошою, словомъ: все предвѣщало наспупленіе весенней погоды и ко-

нецъ морозамъ, копорые съ неслыханнѣмъ поспоянспвомъ продолжались въ то время, когда обыкновенно проходящъ уже рѣки и показывается зелень. Покуда онъ любовался переменною погоды, ему послышалось, что на сосѣднемъ дворѣ кто-то въ полголоса разговариваетъ. Узнавъ по опыту, какъ выгодно иногда подслушивать, онъ тихонько подошелъ къ плетню, копорый отдѣлялъ его отъ разговаривающихъ, и хотя съ трудомъ, но вслушался въ слѣдующія слова, произнесенныя голосомъ, не вовсе ему незнакомымъ:

— Жаль, брашъ, Омляшъ! жаль, что ты былъ въ оплучкѣ! безъ тебя значная была работа: купчина богатой, а клади-то въ повозкахъ, клади! Да, и серебреца нашлось довольно. Мнѣ сказывали, ты опять въ дорогу?

— Да, чоршъ побери!... отвѣчалъ кто-то сиповатымъ басомъ. Не дадутъ соснушь порядкомъ; я думалъ, что недѣльки на двѣ опдѣлался: не пущь-

по было! Бояринъ посылаетъ меня въ ночь на Нижегородскую дорогу, вершъ за сорокъ.

— За чѣмъ?

— А вошь, изволишь видѣшь.... Тупъ нѣсколько словъ было сказано такъ тихо, что Кирша не могъ ничего разобрать; попомъ сиповапый голось продолжалъ:

— Онъ было сначала велѣлъ мнѣ за нимъ только присматривать; да видно послѣ обѣда передумалъ. Ты-знаешь, чай, версахъ въ десяти отъ Нижняго, овражекъ въ лѣсу?

— Какъ не знашь!

— Туда передомъ чепырехъ молодецъ ужъ опправили, а я взялся поспавить имъ милаго дружка!... понимаешь?

— Разумѣю. Далъ раза, да и концы въ воду! за все про все опвѣчай Нижегородцы: ихъ дѣло, да и все шупь!

— Не вовсе шакъ, любезный! Съ слугой-по торговаться не спанемъ, а господина велѣно живьемъ захвапимъ.

— Да кто эпошь Милославской?

— Какой-шо Боярской сынокъ. Онъ, слышь ты, приѣхалъ изъ Москвы опъ Гонсѣвскаго, да чшо-то подъ ладъ не даешся. Дѣпина бойкой: говоряшь, будшобъ онъ, сегодня за обѣдомъ, чупь чупь не подрался съ Бояриномъ.

— Съ Бояриномъ?... Ну, брашь, видно же сорви голова!

— Видно такъ! И правду машку ска-
зашь, если онъ живой въ руки не
дасшся...

— Такъ чшожь? Рука чполь дрог-
нешь?

— Не по, чшобъ дрогнула.... да пора
и чесшь знашь, Прокофъичь!

— Полно, брашь Омляшь; прикиды-
вайся съ другими! Не онъ первой, не
онъ послѣдній....

— А чшо ты думаешь? И по ска-
зашь: однимъ меньше, однимъ боль-
ше—куда не шло! Вопъ о Спожинкахъ
шпану говѣшь, такъ за одинъ пріемъ
все выскажу на исповѣди; а шамъ, мо-
жешъ спашься....

— Въ монахи чпо ль пойдешь?...

— Въ монахи, не въ монахи, а пудовую свѣчу поспавлю; не все грѣшишь, Прокофичь: душа надобна.

Тутъ голоса замолкли. Кирша замѣшилъ въ плениѣ небольшое опверспіе, сквозь которое можно было разсмопрѣшь все, чпо происходило на сосѣднемъ дворѣ; онъ поспѣшилъ воспользовашься симъ открьтіемъ и увидѣлъ двухъ человѣкъ, входящихъ въ избу. Одинъ изъ нихъ показался ему огромнаго роста, но онъ не успѣлъ разсмопрѣшь его въ лице; а въ другомъ, съ перваго взгляда узналъ Земскаго Ярыжку, съ копорымъ въ прошедшую ночь повспрѣчался на поспояломъ дворѣ. Открьвъ споль нечаяннымъ образомъ, чпо Юрій долженъ опправившься по Нижегородской дорогѣ, и желая предъупредить его о грозящей ему опасности, Кирша рѣшился пуспиться на удачу и, во чпобъ ни спало, опыскашь Юрія, или Алексѣя. Но едва онъ